Армения: комплементаризм – не роскошь

Сергей Маркедонов

24 ноября 2017 года Армения подписала «Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве» с Европейским союзом. Это событие привлекло к себе значительное внимание по нескольким причинам.

Во-первых, Армения имеет репутацию союзника России. Она – единственная из республик Закавказья входит в Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический союз. На ее территории находится российская военная база, а периметр ее госграниц охраняется совместно пограничниками Армении и РФ. Во-вторых, в настоящее время отношения России и ЕС находятся в замороженном состоянии. Брюссель осуществляет санкционнную политику в отношении Москвы и занимает жесткую позицию по вопросу о статусе Крыма и конфликту на юго-востоке Украины. Хотя значительная часть пунктов Минских соглашений обращена к украинской стороне, Евросоюз рассматривает Россию как практически эксклюзивно ответственную за их имплементацию. Более того, новый санкционный пакет, введенный против РФ со стороны США, делает европейских партнеров Вашингтона еще более осторожными в попытках нормализовать отношения с Москвой. Риски оказаться под американскими санкциями «за компанию» с Россией весьма высоки.

В этом контексте решение Еревана выйти на рамочное соглашение с Брюсселем многими рассматривается, прежде всего, через призму «новой холодной войны» (релевантность самой этой формулы – тема отдельного обстоятельного разговора). Однако такая оптика серьезно искажает восприятие как мотивов Армении, так и понимание внешнеполитической динамики на постсоветском пространстве в целом. Не помогают этому и эмоции, широко разлитые в российском и армянском информационном пространстве. Чего стоит одно только сравнение целой страны с «неверной женой»!

Но насколько вообще корректно говорить о корректировке внешнеполитического курса Армении на основании подписания соглашения с ЕС? Открывает ли оно некую новую веху в позиционировании Еревана на международной арене?

Думается, значение Брюссельского саммита для армянской внешней политики сильно преувеличено.

> В тех условиях, в которых оказалась закавказская республика в момент обретения независимости в процессе распада СССР, она просто была обречена на внешнеполитический комплементаризм.

Армению, в отличие от Грузии и Азербайджана, принято рассматривать, как российский геополитический форпост. Но в последние годы существования Советского Союза она отнюдь не шла в фарватере Москвы. Борьба с соседним Азербайджаном за Нагорный Карабах резко противопоставила тогдашнюю Армянскую ССР центру. Более того, она была одной из шести союзных республик (наряду с тремя прибалтийскими образованиями, Грузией и Молдовой), которая не принимала участие в референдуме о сохранении «обновленного союза», а «процесс утверждения независимой государственности» был заявлен еще Декларацией о независимости от 23 августа 1990 года.

В то же самое время Армения представляет, пожалуй, уникальный пример того, как государственная элита смогла в своих отношениях с Москвой после распада СССР четко отделить советское от российского. Первый армянский президент Левон Тер-Петросян и сегодня многими воспринимается, как «западник». Однако именно в его правление были сформированы политико-правовые основы российского военного и экономического присутствия в республике, а сама Армения стала союзницей Москвы. И никакого особого геополитического парадокса в этом не было. Армения была вовлечена в конфликт с Азербайджаном. Несмотря на Соглашение о бессрочном прекращении огня от 12 мая 1994 года, перемирие нарушается и по сегодняшний день, а переговорный процесс носит, скорее имитационный, а не содержательный характер. Баку поддерживает Турция (которая в 1993 году закрыла сухопутные границы с Арменией). И в настоящее время у Анкары и Еревана нет дипломатических отношений. При этом Турция - член НАТО, обладающий второй по численности армией в альянсе после США. Таким образом, членство в этом блоке, как минимум, до нормализации отношений с Турцией или ее исключения из натовских рядов, остается для Армении недостижимой задачей.

Максимум возможного здесь, это – участие в партнерских проектах НАТО, которое, к слову, началось отнюдь не в 2017 году. В этом контексте военное присутствие России в Армении и роль Москвы в процессе карабахского урегулирования (и как сопредседателя Минской группы ОБСЕ, и в личном качестве) невозможно переоценить.

При этом, не имея общей границы со своим союзником, Армения была вынуждена аккуратно балансировать между Россией и Грузией (эти страны прервали дипотношения в сентябре 2008 года). Просто потому, что значительная часть импорта и экспорта страны идет через «грузинское окно». Отдельная тема – отношения Еревана и Тегерана. Особенно в сложном контексте противоречий между Ираном и Западом. Но кроме грузинского и иранского окна у Армении сегодня нет других выходов во внешний мир.

Если же говорить о ЕС, то интерес к сотрудничеству с ним также имеет прагматический характер, а не предопределен «ценностным» или «цивилизационным» выбором. На фоне конфликтов и региональной изоляции Европа важна Армении как торговый партнер. В ряде европейских стран проживают и многочисленные армянские диаспоры (прежде всего, во Франции, которая, к тому же является одним из сопредседателей Минской группы ОБСЕ). Ереван, осознавая важность Турции и Азербайджана как партнеров ЕС по широкому спектру вопросов (от энергетики до вопросов миграции), также стремится не допустить того, чтобы их подходы и интерпретации доминировали бы в Брюсселе в ущерб армянским.

Заметим, что кооперация ЕС и Армении также началась не год и не два назад. Впрочем, при рассмотрении динамики этой кооперации широко распространена ошибка. Делается вывод о том, что Ереван шел курсом на евроинтеграцию, но под влиянием давления РФ, в сентябре 2013 года отказался от комплементаризма. И теперь была предпринята вторая попытка. Между тем, по справедливому замечанию Саркиса Мартиросяна, «некоторые эксперты в Армении и России ошибочно трактуют» ноябрьское соглашение «как ассоциативное и интеграционное». Но оно таковым не является. В этом его принципиальное отличие от того проекта, который Ереван отказался подписывать в 2013 году. Впрочем, и соглашение об ассоциации вовсе не означало и не означает «зеленого света» для вступления в ряды Евросоюза. Но текст документа, который армянская сторона подписала в ноябре 2017 года, не предполагает создания зоны свободной торговли с ЕС.

При этом и никакого «решительного разворота» Еревана в сторону евразийской интеграции в 2013 году не было. Армения и до пресловутого визита Сержа Саргсяна в Москву уже активно участвовала в ней в различных форматах. Она входила в ОДКБ. С 2003 по 2014 годы Армения была наблюдателем в ЕврАзЭС – проекте-предшественнике Таможенного союза (ТС) и ЕАЭС. И тогдашние дискуссии вокруг целесообразности ее присоединения к ТС определялись, прежде всего, соображениями отсутствия единых границ, а не «цивилизационного выбора». Добавим к этому, что сам проект Таможенного союза мыслился как потенциальная интеграционная инициатива с украинским участием. Армения во многом не по своей воле оказалась в фокусе тогдашней дискуссии. Скорее не сама по себе, а в контексте набирающей обороты конфронтации РФ и ЕС вокруг Украины. И ее выбор в пользу евразийского вектора был предопределен не только давлением из Москвы, но и прессингом со стороны Брюсселя, который политизировал проблему выбора между различными интеграционными проектами.

Сам этот выбор по факту стал чреват значительными издержками. Не получая от ЕС гарантий безопасности, Ереван не стал искать «от добра добра» и предпочел не рисковать. При этом армянское руководство не собиралось полностью элиминировать свои связи с Западом. Поэтому говорить чуть ли не об одноактном отказе от комплементаризма также не представляется возможным. Переговоры о подписании не нового варианта ассоциативного соглашения, а документа с новым содержанием о сотрудничестве с ЕС стартовали в 2015 году. Для этого следовало четче сформулировать само это содержание. К слову, в том же году во многом аналогичные договоренности были достигнуты между Брюсселем и Казахстаном. Соглашение между ними имеет несколько отличную формулировку – «О расширенном партнерстве и сотрудничестве».

Однако суть во многом схожая.

> Постсоветские страны – стратегические союзники Москвы – стремятся к диверсификации внешнеполитических связей и пытаются не допустить превращения своих территорий в площадку конфронтации между Западом и Россией.

В этом стремлении они идут к выстраиванию не универсальных моделей, а индивидуальных схем (в этом плане соглашения ЕС с Арменией и Казахстаном не являются кальками). И, скорее всего, мы увидим схожий алгоритм действий со стороны Беларуси и Кыргызстана. При этом союзники РФ отказываются от такого

характера отношений с западными партнерами, который бы мог восприниматься Москвой как антагонистичный. И такой формат устраивает российское руководство, также заинтересованное в нормализации и прагматизациии отношений с Западом с учетом своих национальных интересов.

Таким образом, говорить о каком-то революционном повороте или новой вехе во внешней политике Армении не представляется возможным. Ереван продолжил свой комплементарный курс, которому следовал после распада СССР. В нем сохраняется российская доминанта в сфере безопасности, но при этом активизируются связи с другими игроками в тех сферах, которые представляют для республики интерес (торговля, технологии, инвестиции, институты).

Сергей Маркедонов
Доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия)